

контрапункт

ВПОЛОБОРОТА НА ВОСТОК

No 10 / декабрь 2017

Мария Липман

От редактора

Чем глубже конфликт с США и Западом, тем милее россиянам Китай. Половина наших сограждан [видят](#) в КНР надежного стратегического и экономического партнера, так же отзываются о Китае и Путин: Китай – «стратегический партнер в самом широком смысле этого слова». Поворот российской политики «на восток» произошел бы и без резкого усугубления конфронтации с Америкой – причиной тому мощное развитие Китая и важность Азиатско-Тихоокеанского региона в целом, — но из-за конфронтации сближение с Китаем происходит громче и интенсивнее; по той же причине в общественных представлениях Китай превратился в лучшего друга России – не менее близкого, чем Беларусь и Казахстан, – с которым хочется укреплять отношения и дальше.

В середине XX века между нашей страной и Китаем уже был краткий период дружбы – и даже идейной общности, – но близость продлилась недолго. Во второй половине 1950-х советско-китайская дружба закончиласьссорой, разрывом, а в 1969-м дело дошло до вооруженных столкновений на границе.

В последующие годы неминуемая война с Китаем была постоянным кошмаром и для партийного начальства, и для советских обывателей.

Столкновение с китайским соседом виделось непосредственной угрозой советскому диссиденту Андрею Амальрику. Его знаменитая статья «Просуществует ли СССР до 1984 года», которую принято считать пророческой, была написана в тот же год, когда в кровавых стычках с китайцами на острове Даманский погибли советские пограничники.

Среди главных причин грядущего краха Советского Союза Амальрик называл именно войну с Китаем. «*Неумолимая логика революции, — писал он, — ведет Китай к войне, которая разрешиит тяжелые экономические и социальные проблемы Китая и обеспечит ему ведущее место в современном мире*». И уж до совершенно апокалиптических масштабов доводит пророчество о грядущей войне с Китаем Александр Солженицын в своем [«Письме вождям Советского Союза»](#): «... война с Китаем никак не обойдется нам дешевле 60 миллионов голов.... После этой войны русский народ практически перестанет существовать на планете».

В то же самое время президент США Никсон, который не рассматривал всерьез перспективу войны СССР с Китаем, а, напротив, опасался их возможного альянса, уже обдумывал политику сближения с КНР. Через пару лет хитроумный Киссинджер смог ее осуществить. Тайно съездил в Китай сам, а потом уже и Никсон во всеуслышание объявил, что два десятилетия вражды остались позади и теперь Америка будет развивать конструктивные отношения с коммунистическим Китаем.

Войны КНР с Советским Союзом не случилось, но к Китаю в СССР, разумеется, относились с неприязнью и подозрением.

С перестройкой, а потом и с распадом СССР Россия приоткрыла границы; с конца 1992 года в Приморье устремились китайские челночные торговцы и сезонные рабочие. Российский исследователь Жанна Зайончковская [назвала](#) этот процесс «миграционным взрывом». «Напористость китайцев, неприхотливость, легкость, с которой они осваивалась в любом городе», писала Зайончковская, вызывала у местного населения «растерянность и смятение».

Никто уже не думал о китайской военной угрозе, но страх перед «китайским вторжением», «экспансией», «завоеванием» распространился чрезвычайно широко и надолго. Газетные заголовки вроде «Китайцы идут», «Россия останется без русских?» («Комсомольская правда», 1999 и 2005 годы), «Мигранты завоюют Россию» («Мир новостей», 2005) активно поддерживали и усугубляли эти страхи. «... единственная их (китайцев) надежда на выживание в исторической перспективе — это мы! — [писал](#) Станислав Говорухин в 1994 году. — *Наше сырье, наши территории. Уже сейчас мы им отдаем (только в одном Приморском крае) полторы тысячи гектаров кедровых лесов и плодоносной земли ... Ширится натуральная экспансия со стороны Китая, массированная китайизация края*».

Россияне, особенно в близких к Китаю регионах, покупали на гигантских вещевых рынках дешевый китайский ширпотреб, кляня скверное качество китайских товаров и преисполняясь к Китаю еще большей неприязнью.

«Угроза с Востока — это реальность, — [писала](#) в 1999 году Галина Ковальская в репортаже из Приморского края, — только она не в мифической “экспансии”, а в поселившемся в душах приморцев комплексе национальной неполноценности... Китайцы все еще живут очень бедно. В массе своей гораздо беднее русских. Но наблюдать изо дня

в день, как люди, приезжающие на твою землю зарабатывать деньги, не заработанные тобой, пусть медленно, но богатеют, — невыносимо».

В московских магазинах продавцы доверительно сообщали покупателю, что китайское значит второсортное или негодное, по всей видимости компенсируя таким образом то самое чувство неполноценности – за неимением дешевого отечественного приходится-таки покупать китайское. (Представления о дрянном «китайском» качестве весьма устойчивы. Года три назад, отвечая на упрек в том, что «Роснефть» приобретает для сотрудников дорогие айфоны, официальный представитель компании раздраженно ответил: «Ну давайте мы будем покупать китайские паленые смартфоны на открытом тендере согласно существующего законодательства. Вы этого хотите?»)

Тем временем КНР занял одно из «ведущих мест в современном мире», но, вопреки тому, что предрекал Амальрик, добился этого вовсе не ценой войны с Советским Союзом.

Страхи перед расширением китайского присутствия сегодня звучат куда реже (хотя, по утверждению автора нынешнего выпуска *Контрапункта* Ивана Зуенко, не исчезли окончательно). Большинство россиян (70 процентов) считают, что Китай развивается успешнее России (лишь 20 процентов считают более успешной собственную страну).

Из-за падения рубля, пишет Зуенко, Россия стала для китайских потребителей дешевой страной, отчего существенно вырос туристический поток из Китая. По той же причине китайцам стало невыгодно приезжать в Россию на заработки; те, кто ехал в Россию сезонным рабочим, теперь могут больше заработать в своей стране. А китайским бизнесменам, работающим в России для получения прибыли, стало проще и дешевле нанимать местную рабочую силу.

Сегодня россияне как будто освободились от того комплекса неполноценности, о котором писала Галина Ковальская, – около 80% российских граждан считают КНР дружественной страной. Смириться с превосходством Китая в экономическом развитии, возможно, помогает уверенность в том, что он уступает России в международном влиянии (так считают 65% — против 21%, которые думают, что Китай более влиятелен). Кроме того, в глазах российских граждан огромным преимуществом КНР перед Западом является то, что Китай нас не критикует и не поучает и к тому же, в отличие от множества других стран, не желает подчиняться американскому диктату.

При этом о китайском друге в России мало что знают и, в общем, мало им интересуются. Большинство россиян, несмотря ни на что, полагают, что Россия все-таки ближе к Европе, чем к Азии (55% против 18%). При возможности выбора — съездить ли в европейскую страну, где раньше не бывали, или в Китай 40% наших сограждан предпочли бы Европу (Китай выбрали 28%; среди молодежи соотношение оказалось 61% на 27%). Подавляющее большинство, разумеется, не имеют опыта общения с китайцами, а из тех, у кого такой опыт есть (в основном, это, видимо, жители дальневосточных регионов), больше 70% вынесли впечатление, что китайская культура «чуждая, не похожая на нашу».

Иван Зуенко, чью статью мы публикуем в этом номере, пишет о том, что происходит на приграничных с Китаем территориях сегодня; насколько новая дружба способствует сотрудничеству — не мегапроектам вроде строительства гигантских мостов или трубопроводов, а торгово-экономическому взаимодействию местного масштаба, которое требует взаимного доверия и благоприятной институциональной среды.

Игорь Денисов анализирует трансформацию политического режима в Китае при Си Цзиньпине; среди ее элементов — централизация принятия решений в экономической и социальной сфере и усиление «надстроечных» координирующих структур, подчиненных лично Си Цзиньпину. «*Си Цзиньпин, — пишет Денисов, — уже не скован обязательствами коллективного руководства и уверенно расставляет на наиболее важные участки лично преданных себе людей, даже не пытаясь соблюсти баланс между интересами различных группировок.*

В материале **Марии Репниковой**, посвященном взаимодействию китайских властей и СМИ на фоне ужесточения политического режима, читатель найдет определенное сходство с российской ситуацией. «*Государство, — пишет Репникова, — пытается заново обозначить красную линию и очертить сферу политически недопустимого... Одновременно с подавлением публичной критики путем репрессий и принуждения наблюдается ... более мощное и явное возрождение пропагандистской роли СМИ*. В этих обстоятельствах некоторые журналисты «*продолжают творчески импровизировать, приоравливаясь к новым ограничениям*», а другие «*делают выбор в пользу социального предпринимательства или предпочли академическую карьеру за рубежом*».

Артем Лукин пишет о Северной Корее, сравнивая то, как Россия, Китай и Соединенные Штаты строят свою политику в условиях нарастающего кризиса вокруг северокорейской ядерной программы.

Статья **Дмитрия Стрельцова** посвящена отношениям России с Японией. Для России, подчеркивает автор, Япония — не главный внешнеполитический партнер в Азии. Куда важнее Китай. Однако «*диалог с Японией по вопросам безопасности расширяет для Москвы пространство дипломатического маневра на азиатском направлении*».

Как всегда, мы предлагаем вашему вниманию рецензии на важные и интересные книги, вышедшие недавно и не переведенные на русский язык. **Георгий Касьянов** рецензирует книгу Энн Эпплбаум «Красный голод: война Сталина против Украины» (*Red Famine: Stalin's War on Ukraine*) о голоде в Украине 1932–1933 годов. Рецензия **Генри Хейла** посвящена работе Григора Поп-Элечеса и Джошуа Такера «Тень коммунизма: Историческое наследие и современные политические установки» (*Communism's Shadow: Historical Legacies and Contemporary Political Attitudes*). **Александр Кустарев** оценивает анализ современного европейского популизма, изложенный в книге Михаэля Лачинского «Устрашитесь и следуйте за нами» (*Michael Laczinski. Fuerchtet euch und folgt uns*). **Дмитрий Козлов** пишет о книге Мэтью Ли Миллера «Американская "Юношеская христианская ассоциация" (YMCA) и русская культура: Сохранение и распространение

православного христианства» (Mathew Lee Miller. The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940).